Абхазия, 1993 год

Из воспоминаний членов команды спасательного судна «Эпрон»

Анатолий Ишинов, капитан 1 ранга, командир бригады спасательных судов
Виталий Юрганов, капитан 1 ранга

В начале сентября 1993 года два самолета СУ-25 выполняли учебно-боевую задачу в зоне грузино-абхазского вооруженного конфликта. Во время полета в паре один из СУ-25 потерял управление и упал в море в районе города Гудаута. Был ли он сбит, или отказала техника – неизвестно. В те дни грузино-абхазский конфликт находился в самом разгаре. Абхазские вооруженные формирования наступали на Сухуми, им активно помогали хорошо вооруженные и подготовленные чеченские вооруженные формирования. Грузинские боевики отходили с территории Абхазии на позиции за рекой Псоу.

17 сентября 1993 года спасательное судно «Эпрон» вышло по боевой тревоге в направлении Кавказского побережья для поиска упавшего в море штурмовика СУ-25. Руководителю поисково-спасательных работ была поставлена задача – найти на дне останки самолета и поднять их, в первую очередь – найти и поднять «черный ящик» и то, что осталось от погибшего летчика.

СС «Эпрон» недавно вышел из заводского ремонта и не был готов к походу – имелся значительный некомплект личного состава, часть технических и специальных средств не прошла положенные испытания. К тому же около 40 срочнослужащих моряков готовились к увольнению в запас и уже жили в кубриках «на чемоданах». До 7 ноября все они должны были быть уволены в запас. Тем не менее, командование флота поставило командованию соединения жесткие условия – найти на дне останки СУ-25 и поднять их, срок выполнения – 10 суток.

Руководителем похода был назначен начальник штаба бригады спасательных судов капитан 2 ранга Анатолий Ишинов. В походный штаб вошли водолазный специалист капитан-лейтенант Владимир Метелин, флагманский врач капитан медицинской службы Александр Гац. Командиром СС «Эпрон» в это время был капитан 3 ранга Павел Деев, его помощником – старший лейтенант Игорь Герман.

Поиск СУ-25 должен был проходить в районе активных боевых действий, поэтому СС «Эпрон» готовился организовать и вести эффективную оборону в ближней зоне. На ходовом мостике СС «Эпрон» установили два крупнокалиберных пулемета «Утес». На борт была принята группа морских пехотинцев, вооруженная ПЗРК «Игла-М» с восемью пулеметами, гранатометами и другим вооружением. Боевое обеспечение работ осуществлял морской тральщик «Снайпер». Для повышения эффективности поиска самолета СС «Эпрон» было придано гидрографическое судно ГС-402.

Найдено было все, кроме...

19 сентября корабли отряда прибыли на рейд Гудауты. Российский морской пограничный пост еще действовал, и пограничники описали падение самолета, выдав пеленг и дистанцию точки его входа в воду. По их словам, при падении СУ-25 зацепил крылом воду и взорвался, разлетевшись на части в квадрате 2х2 мили. Поисковый квадрат находился примерно в полумиле от берега.

Рассчитали район поиска, разбили его на участки и начали поиск самолета. ГС-402 вел поиск, используя гидролокатор бокового обзора ГЭБО-100, СС «Эпрон» – гидроакустическую станцию МГ-89 и МТЩ «Снайпер» МГ-79.

Первым нашли, обследовали с помощью водолазов и подняли крыло СУ-25. После этого район поиска значительно сократился. Водолазы СС «Эпрон» начали обследование и подъем всех объектов, хоть как-то похожих на детали разбившегося самолета. Работой водолазов руководили начальник поисково-спасательной службы «Эпрона» старший лейтенант Андрей Катков и командир водолазной группы старший лейтенант Владимир Кучерявый.

Погодные условия были благоприятными, глубины доступные – 10–25 метров. Работы осложнялись только сильным придонным течением и ограниченной до 1 метра видимостью, но водолазы быстро освоились с этим и работали весьма успешно, проведя около сотни спусков под воду. Наиболее ответственные работы выполняли старшие лейтенанты Владимир Кучерявый и Андрей Катков – один с СС «Эпрон», другой – с его катера, погружаясь в легководолазном снаряжении СВУ-3.

Вскоре на корме «Эпрона» образовалась довольно большая груда обломков. Покореженные конструкции изучали специалисты авиапромышленности и летчики, входящие в состав госкомиссии по расследованию причин летного происшествия. Нашлись части крыльев, фюзеляжа, фонарь кабины, фрагменты турбин, прочие детали. Однако тело летчика, несмотря на все усилия, не нашли.

Водолазы подняли со дна и ту часть самолета, где должен был находиться «черный ящик» с записями параметров полета, однако сам ящик, несмотря на интенсивные поиски, так и не обнаружили.

Через четыре дня работы под водой обломки отправили на аэродром под Гудауту для дальнейшего исследования. Задача поиска и подъема экипажем СС «Эпрон» была выполнена. Однако главные испытания для участников похода были впереди.

Краснодарский край. Сочи. Эвакуация посетителей курорта. Туристы и беженцы на сейнере «Цхалтубо»

На помощь беженцам

25 сентября обстановка в Сухуми резко обострилась. Ожесточенные бои между вооруженными формированиями шли по всему городу. Часть боевиков, трудно разобраться, с какой стороны, занималась мародерством, от них страдало гражданское население. В огне гражданской войны гибли все, кто попал под острие национального угара – дети, женщины, старики, занесенные бог знает каким ветром случайные представители бывших советских республик, довольно многочисленное русскоязычное население, осевшее по разным причинам в этих местах, граждане зарубежных государств.

Чтобы хоть как-то облегчить участь гражданского населения, командования грузинских и абхазских военных формирований (трудно назвать малоорганизованных бородатых людей вооруженными силами) договорились об эвакуации из Сухуми беженцев – женщин, детей, стариков.

По договоренности на высшем уровне эвакуационная миссия была возложена на корабли и суда Черноморского флота. СС «Эпрон» и МТЩ «Снайпер» получили новую задачу – подготовиться к заходу в порт Сухуми для приема на борт беженцев. Принять на борт русских и доставить их в Сочи должен был «Эпрон», МТЩ «Снайпер» должен был принять на борт и перевезти в Поти грузин. Для координации действий и работы с гражданским населением на борт «Эпрона» прибыл начальник штаба государственного комитета по чрезвычайным ситуациям в районе грузино-абхазского конфликта – полковник А. Александров.

Для охраны кораблей дополнительно были выделены четыре вертолета огневой поддержки Ми-8. Они постоянно находились в воздухе над нашими кораблями и были готовы к открытию огня по целям, указываемым с них. На «Эпроне» с ними держали связь руководители полетов и специалисты-наводчики из Гудаутского вертолетного полка.

Командир перехода капитан 2 ранга Анатолий Ишинов сформировал на СС «Эпрон» два отделения огневого прикрытия беженцев по 10 человек в каждом. Моряков вооружили автоматами Калашникова и гранатами. Одним отделением командовал начальник ПСС «Эпрона» старший лейтенант Андрей Катков, другим – помощник командира старший лейтенант Игорь Герман.

Основной задачей отделений огневого прикрытия являлась отсечка боевиков от беженцев и пресечение провокаций. 26 сентября в 12.00 «Эпрон» и МТЩ «Снайпер» начали заход в порт Сухуми. Время приема беженцев согласовывалось обеими воюющими сторонами: все погрузочные мероприятия должны были начаться в 15.00 и закончиться в светлое время суток до 18.00.

Однако сразу же вышла заминка. При подходе к Сухуми к нашим кораблям подошли боевые катера абхазских ВМС под командованием начальника штаба ВМС Абхазии. В эфире возник диалог. Абхазцы на русском языке обратились к командиру похода: «Я – Ястреб. Куда следуете»? А. Ишинов ответил, что в Сухуми, и на это есть обоюдная договоренность сторон.

Начальник штаба абхазских ВМС ранее командовал эскадренным миноносцем на Тихоокеанском флоте. После настороженного приветствия он поднялся на борт СС «Эпрон» и обратился к нему с такими словами: «Скажи честно, как офицер офицеру, – есть ли на борту грузинские боевики»?

Ишинов ответил, что на кораблях Черноморского флота не может быть боевиков и как командир отряда он это заявляет официально. Однако его заверения, видимо, не убедили абхазскую сторону, и на «Эпрон» поднялись вооруженные абхазские погра-

ничники с целью «досмотра» судна и выяснения, везет ли «Эпрон» для поддержки отступающих в своих трюмах грузинские подкрепления.

Пришлось все это терпеть, дабы не обострять ситуацию и выполнить поставленную задачу. После того, как «досмотр» «Эпрона» состоялся и ничего подозрительного не было обнаружено, кораблям разрешили следовать в порт Сухуми.

Спасение беженцев

Заход в Сухуми проходил в сложной обстановке. С мостика СС «Эпрона» было видно, что у входа в порт идут ожесточенные бои. Трещали пулеметные и автоматные очереди, раздавались взрывы мин и гранат, рушились постройки, центр города охватили пожары, длинный шлейф дыма от горящих зданий поднимался над городом и ветром разносился вдоль побережья.

По УКВ-связи с оперативным дежурным грузинских войск были оговорены условия захода в порт. «Эпрону» выделили место в районе первого причала, а МТЩ «Снайпер» до выяснения обстановки остался на рейде. Грузинская сторона вход в порт Сухуми разрешила, но безопасность не гарантировала, ссылаясь на организационные неувязки и отсутствие связи со своими командирами отрядов.

В 15.00 СС «Эпрон» ошвартовался в порту. Причалы и подходы были пустынными. Все люди попрятались. Начальник штаба соединения капитан 2 ранга Анатолий Ишинов приказал главный двигатель не останавливать, а работать в холостом режиме. Экипаж оставался на боевых постах, судно было готово немедленно отдать швартовы и уйти в море. Наводчики из вертолетного полка, держа связь с находящимися в воздухе вертолетами, заняли самые высокие точки на грот-мачте – чтобы лучше засекать огневые точки вероятного противника. Пулеметчики, обложившись мешками и всевозможными «баррикадными материалами», наспех извлеченными из кубриков и трюмов, устроили свои гнезда на господствующих точках верхних палуб.

Чтобы привлечь испуганных людей на судно, капитан 2 ранга Анатолий Ишинов обратился к пустому порту и в сторону берега через мегафон: «Вниманию населения! Спасательное судно Черноморского флота «Эпрон» прибыло в порт Сухуми для эвакуации беженцев из зоны конфликта в порт Сочи. Не бойтесь! Подходите к судну!» После нескольких обращений люди начали выползать из щелей, подвалов и потянулись к судну.

С другой стороны причала пришвартовался МТЩ «Снайпер».

Сначала на причал шли, оглядываясь, одиночки. Потом, видя, что по ним не стреляют, беженцы пошли в массовом порядке. Вахта, выставленная у трапа, помогала людям заходить на судно и проверяла, нет ли у беженцев с собой оружия. С борта беспрерывно объявлялось, чтобы люди, вступающие на борт «Эпрона», оставляли оружие и боеприпасы на берегу.

Весь район, прилегающий к порту, был охвачен большими пожарами. Горели не только дома, но и диковинные деревья и кустарники субтропического побережья.

По причалу в одной колонне двигались грузины и русские, но у кораблей поток разделялся по национальному признаку. Русские беженцы садились на СС «Эпрон», грузины – на МТЩ «Снайпер». Параллельно, в 5 милях от порта, в визуальной видимости «Эпрона» производили посадку беженцев большие десантные корабли «Цезарь Кунников» и БДК-69. Эти корабли принимали беженцев с необорудованного берега, уткнувшись в песчаную отмель через носовые аппарели. Тем отрядом командовал контр-адмирал Николай Михальченко.

Между тем город все больше охватывался огнем. Весь район, прилегающий к порту, был охвачен большими пожарами. Горели не только дома, но и диковинные деревья и кустарники субтропического побережья. Особенно быстро загорались пальмы – они разом вспыхивали и сгорали за секунды, треща, словно бенгальские огни на рождественской елке.

Вдруг к причалу подъехал бронетранспортер, на его броне сидели вооруженные автоматами бородатые грузинские боевики.

Подъехав к толпе беженцев, они спрыгнули на землю и подошли к ним. С криками, руганью, коверкая русский мат, они выдернули из толпы какого-то мужчину с чемоданом, начали пинать его ногами и что-то кричать, а затем тут же расстреляли. Беженцы заволновались, а грузинские боевики, еще что-то прокричав для острастки, перегородили пристань бронетранспортером и, сделав некое подобие контрольно-пропускного пункта, начали... продавать билеты на российское спасательное судно.

Бóльшая часть беженцев уже была погружена на СС «Эпрон». На пристани оставалось еще до двух десятков людей, в основном стариков, но они не хотели уезжать.

Подобное вымогательство последних денег некоторым боевикам-мародерам показалось недостаточным, и они, угрожая оружием, вырывали понравившиеся им у беженцев вещи, а у женщин срывали цепочки и золотые украшения.

В общей суете, стрельбе и пожарах в порту «эпроновцы» не сразу сообразили, чем занимаются боевики с бронетранспортера. Но когда женщины и старики стали предъявлять «билеты» на посадку, офицеры буквально взорвались от гнева. Чтобы остановить мародерство и беспредел на пристани, на нее высадилась группа наших морских пехотинцев в бронежилетах, вооруженных пулеметами. Через считанные минуты мародеры были «рассеяны» морскими пехотинцами, а бронетранспортер исчез в направлении горящего города.

Через два часа СС «Эпрон» был уже загружен людьми до предела. Беженцы заполонили все кубрики, каюты офицеров, столовую офицеров и команды, палубы и мостики. По подсчетам моряков, «Эпрон» принял 400 человек. «Эпрон» заканчивал прием последних беженцев, когда по судну был открыт огонь с берега – несколько трассирующих очередей из крупнокалиберных пулеметов прошли над надстройками судна. Люди, стоящие на палубе, инстинктивно повалились вниз.

Прорываясь сквозь коверканный русский мат в эфире, капитан 2 ранга Ишинов связался с грузинским портовым начальством и в резкой форме предупредил, что в случае продолжения обстрела судна в действие вступит поддерживающая судно авиация. Грузинское начальство в ответ промямлило что-то невразумительное, еще раз подтвердив свою неосведомленность и беспомощность.

Обстрел с берега не прекращался, и тогда по засеченным наводчиками огневым точкам был нанесен удар вертолетами с воздуха. Боевые вертолеты российских ВВС, зайдя с моря, пустили по огневым точкам на берегу серию неуправляемых ракет. До десятка реактивных снарядов, выпущенных с предельно малых высот, разорвалось на берегу. Пулеметы мгновенно смолкли, а грузинская сторона по УКВ-связи немедленно запричитала – мол, мы так не договаривались, вы уничтожили нашу береговую батарею.

После консультаций с командиром отряда всех российских кораблей у Сухуми контр-адмиралом Николаем Михальченко СС «Эпрон» и МТЩ «Снайпер» получили «добро» на выход в море.

Основная часть беженцев была погружена на СС «Эпрон». На пристани оставалось еще до двух десятков людей, преимущественно стариков и старух, но они уезжать не хотели. Один из седых стариков с грустью в глазах сказал морякам: «Здесь наша земля – земля наших предков и отцов. Здесь мы и умрем...» Многие старики плакали, провожая российское судно. «Эпроновцы» поделились со стариками консервами и несколькими буханками свежеиспеченного корабельного хлеба и отдали швартовы.

Стараясь быстро выйти из опасного района, «Эпрон» развил самый полный ход, с каждой минутой отдаляясь от горящего берега. Судно преследовал шлейф черного дыма от горящего порта.

В шести милях от Сухумского маяка по «Эпрону» открыла огонь неизвестная береговая батарея. Однако артиллеристы были никудышными стрелками, и султаны разрывов легли в стороне.

С выходом в море забот резко добавилось. Чтобы следить за порядком на судне, организовали патрули. В каждый внутрисудовой патруль вошли по два вооруженных мо-

ряка во главе со старшиной или офицером. Патрули ходили по кубрикам и палубам все время следования в Сочи.

К счастью, эксцессов не произошло. Моряки, как могли, успокаивали беженцев, много переживших за последние дни и еще не вышедших из шока даже в спокойной обстановке. Судовые коки умудрились приготовить для сотен перевозимых людей горячую пищу. Водолазы делились с детьми и женщинами сгущенным молоком. Все беженцы получили ароматный свежевыпеченный хлеб.

В два часа ночи 27 сентября «Эпрон» ошвартовался в порту Сочи. Измученные лишениями люди сошли на российскую землю, еще не веря в свое избавление. Сходя с борта, беженцы благодарили моряков за теплоту и заботу.

Сотрудники миграционной службы России распределили беженцев по местным санаториям, домам отдыха и гостиницам. Желающих уехать отправляли автобусами на железнодорожный вокзал.

К 7 часам утра «Эпрон» покинули все пассажиры. Экипаж произвел осмотр помещений, произвел приборку и дезинфекцию тех мест, где находились репатрианты.

В 11.00 командир отряда получил приказ оперативного дежурного Черноморского флота следовать на рейд Гудауты за второй партией беженцев. Судно снова направилось в зону конфликта. На переходе экипаж отдыхал от бессонной ночи и острых впечатлений, которых каждый моряк получил предостаточно.

В 19.30 «Эпрон» прибыл на рейд порта Гудаута. Абхазские катера, следовавшие на ночное патрулирование в сторону Сухуми, первыми отсалютовали спасателям. В сумерках зарево пожаров над городом и портом выглядело еще более зловещим. Из района города доносилась артиллерийская канонада, а море освещали сполохи разрывов.

Люди, напуганные озверевшими бандами, бежали к месту посадки на корабли с детьми и оставшимся домашним скарбом.

Местные власти выделили в помощь «Эпрону» пассажирский катер «Псоу». Обезумевший народ ринулся на него сплошным живым потоком. На причале возникла давка, сопровождаемая страшными криками и стонами. Выбрать из этой людской каши русских было делом непростым. Нескольких женщин с детьми толпа прижала и стала затирать о сетки ограждения причалов. Крепкие ребята из миграционной службы России ринулись на помощь своим соотечественникам. Перемещаясь по головам, плечам, мешкам и чемоданам, они выдергивали из давки детей и женщин, передавали их живой цепочкой на «Псоу» либо опускали с причала вниз – на подходящие с «Эпрона» катера.

Ступившие на палубу «Эпрона» беженцы были до такой степени напуганы и нервно истощены, что воспринимали судно не иначе как Ноев ковчег, спасающий их от всемирного потопа.

На борт «Эпрона» было принято 300 человек. Но все равно людей на «пункте посадки» от этого зрительно не убавилось. К вечеру большие десантные корабли, «Эпрон» и пассажирские катера были переполнены беженцами до отказа.

В 3 часа утра 30 сентября диспетчер порта Сочи уже с уважением дал разрешение «Эпрону» на заход в порт. После швартовки и выгрузки беженцев «эпроновцы» распрощались с крепкими ребятами из миграционной службы России, которые вместе с ними славно поработали в походе.

В тот же день в 11.00 «Эпрон» снова вышел в направлении Гудауты. По маршруту следования радисты «Эпрона» переговаривались с пограничными катерами и постами СНиС всего несколькими фразами: «Я – спасатель «Эпрон», следую по плану». Этого оказывалось достаточно, ибо в регионе уже имели представление о спасательной миссии «Эпрона».

В районе Адлера «Эпрон» заправился топливом и водой от судна обеспечения «Маныч». Достигнув траверза Гудауты, «Эпрон» встал на якорь и в ждущем режиме в течение нескольких суток подстраховывал высадку десантных кораблей на воздушной подушке типа «Зубр», а также миротворческую работу других российских десантных кораблей. Только 7 октября, выполнив все поставленные задачи, «Эпрон» вернулся в родную базу.

За этот нелегкий поход экипаж судна заметно окреп и возмужал. Сказалось увиденное и сообща пережитое моряками чужое горе. Война, от которой «эпроновцы» были как бы в стороне, сплотила людей, заставила по-новому взглянуть на свою службу и оценить великую честь называться моряками-спасателями.